

А. Г. Кравецкий

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

«СЛОВЕСНОЕ ДРЕВО»:
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК
В ТВОРЧЕСТВЕ
ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

А. А. Плетнева

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

I

После того, как в 1971 году в первом томе собрания сочинений Вячеслава Иванова была опубликована «Повесть о Светомире Царевиче», существенная часть которой написана на церковнославянском языке, возникла необходимость каким-то образом осмыслить место этого языкового эксперимента. Вокруг «Повести» появилась целая исследовательская литература. Сегодня можно сказать, что достаточно хорошо описаны и осмыслены фольклорные источники «Повести», а также ее связь с европейской культурой и произведениями древнерусской литературы. Обобщением этого изучения стала появившаяся в 2012 году монография А. Л. Топоркова [Топорков 2012] и критическое издание «Повести», напечатанное в серии «Литературные памятники» [Иванов 2015]. В настоящее время хорошо исследовано функционирование в «Повести» библейских цитат и фрагментов богослужебных текстов. При этом указывалось на использование стилистических приемов, известных по памятникам древнерусской литературы. Так, в «Повесть» вводятся библейские цитаты и аллюзии, включающие описываемые события в библейский контекст. Текст повести делится на главы и стихи и, соответственно, система ссылок на текст повести устроена так же, как система ссылок на Священное Писание¹.

Несмотря на то, что и читатели, и исследователи чувствуют языковую уникальность прозы Вяч. Иванова, собственно язык «Повести» исследован довольно слабо. Наиболее интересные замечания принадлежат О. Л. Фетисенко, которая готовила критическое издание текста «Повести». В частности, она отмечает, что Иванов спордически проставляет ударение в словах, причем различает острое

¹ См. Топорков 2012: 102-104.

и тупое ударение: «Отметим, что Вяч. Иванов, следуя греческой и церковнославянской орфографии, различал так называемые восходящие и нисходящие ударения и лишь изредка допускал неточности: “отъиде́” вместо правильного “отъидѣ”² <...> Нужно сказать, что ударения Вяч. Иванова порой носят авторский характер. Так, в примере со словом “отъиде” (“отъиде”) по нормам церковнославянского языка следовало бы поставить ударение не на последнем слоге, а на “и”» [Там же: 262]. В другом месте она отмечает, что в библейских цитатах возможно «увидеть контаминацию славянского и русского перевода» [Фетисенко 2008: 306]. При этом степень «славянизации» цитат зависит от степени славянизации окружающего авторского текста. В «русских» частях текст скорее цитируется по-русски, а в славянизированных — по-церковнославянски [Топорков 2012: 114]. При этом, как справедливо указывает А. Л. Топорков, «Повесть» нуждается в специальном лингвистическом исследовании [Там же: 115].

Анализируя «Повесть» из перспективы истории европейской литературы и фольклора, использование церковнославянского языка объяснить довольно трудно. Характерно, что А. Л. Топорков связывает появление славянизированных частей «Повести» с преподаванием церковнославянского языка в Руссикуме и предполагает, что создание текстов на этом языке имело «для автора характер лингвистических упражнений и в этом отношении сопоставимо с сочинением стихов на латыни или древнегреческом языке» [Там же: 114].

На наш взгляд, языковые эксперименты Вяч. Иванова не являются лингвистическими упражнениями почтенного профессора. Для характеристики отношения Иванова к церковнославянскому языку ключевое значение имеет его статья «Наш язык» [Иванов 1991], написанная в 1918 году для собираемого П. Б. Струве сборника «Из глубины». Обычно эту статью связывают исключительно с орфографической реформой 1918 года. Действительно, в ней Иванов достаточно резко высказывается по поводу новой орфографии. Однако ее проблематика значительно шире. «Наш язык» — это манифест той концепции развития русского языка, которая связывается с «архаистами» и восходит к М. В. Ломоносову и А. С. Шишкову.

Иванов полагает, что русский язык имеет два источника — природный (русский) и книжный (церковнославянский). Эти языки тес-

² О. Л. Фетисенко не приводит контекстов, поэтому сложно сказать, действительно ли здесь мы имеем дело с авторской орфографией. Если после *отъиде́* следует энклитика, острое ударение здесь не противоречит орфографическим правилам.

нейшим образом связаны друг с другом и сливаются в единое целое. При этом природный язык выражает дух народа (в этой связи Иванов ссылается на В. фон Гумбольдта) и связан с фольклором. Для его характеристики Иванов использует концепты «Мать-Земля» (в источнике оба слова написаны с прописной буквы) и «корни». Церковнославянский язык научил славян говорить с Богом, связал их мир с миром эллинским и приобщил их к мировой культуре. «Вследствие раннего усвоения многочисленных влияний и отложений церковно-славянской речи наш язык является ныне единственным из новых языков по глубине впечатления в его самостоятельной и беспримесной пламенной стихии — духа, образа, строя словес эллинских, эллинской “грамоты”. Через него невидимо сопричастны мы самой древности: не запредельна и внеположна нашему народному гению, но внутренне соприродна ему мысль и красота эллинские; уже не варвары мы, поскольку владеем собственным словом и в нем преемством православного предания, оно же для нас — предание эллинства» [Там же: 355].

Мысль о цивилизационной роли церковнославянского языка мы находим в произведениях архаистов, которые в таких случаях ссылаются на Ломоносова. И эти ссылки имеют основания. В «Предисловии о пользе книг церковных» Ломоносов писал, что славяне получили возможность размышлять об отвлеченных идеях благодаря прививке эллинской культуры, которая вобрала в себя как античных, так и христианских авторов: «Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския церккви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и отсюда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно» [Ломоносов 1952: 587].

Говоря о неразрывной связи русского и церковнославянского языков, Вяч. Иванов использует образ словесного дерева, которое

укоренено в народном языке (земле), а его крона — это язык книжности и молитвы. «И Пушкин, и св. Сергей Радонежский, — пишет Иванов, — обретают не только формы своего внутреннего опыта, но и первые тайные позывы к предстоящему им подвигу под живым уреем родного «словесного древа», питающего свои корни в Матери-Земле, а вершину возносящего в тонкий эфир софийной голубизны» [Иванов 1991: 356]³. Нужно сказать, что для Иванова метафора двуединства относится к числу ключевых. Именно эту метафору он использует в часто цитируемом письме к Дю Босу, характеризуя свое присоединение к Католической Церкви. Иванов пишет, что после присоединения он почувствовал себя православным в полном смысле этого слова, что прежде он был лишен этой полноты и, подобно чахоточным, дышал одним легким [Иванов III: 429]. Единство разобщенных частей для Иванова является символом полноты как религиозной жизни, так и языка.

Именно идеей единства русского и церковнославянского объясняется его резкое неприятие орфографической реформы. Он видит в ней действие, разрывающее единую ткань русской письменности. В упрощении орфографии он видит «обмирщение» языка, а значит, пользуясь метафорой дерева, отказ от вершины. «Нет, не может быть обмирщен в глубинах своих русский язык! И довольно народу, немотствующему про свое и лопочущему только что разобранные по складам чужое, довольно ему заговорить по-своему, по-русски, чтобы вспомнить и Мать сыру-Землю с ее глубинною правдой, и Бога в вышних с Его законом» [Иванов 1991: 360].

Такое пересечение взглядов Иванова со взглядами архаистов не является чем-то уникальным. В русской культуре первой половины XX века подобные высказывания встречаются не так уж редко. Сразу вспоминается, например, мандельштамовская характеристика русского языка как языка эллинистического в статье «О природе слова»: «Русский язык — язык эллинистический. В силу целого ряда исторических условий, живые силы эллинской культуры, уступив Запад латинским влияниям и надолго загощиваясь в бездетной Византии,

³ Эти рассуждения Вяч. Иванова заставляют вспомнить рассуждения А. С. Шишкова о церковнославянском языке. «Естьли Славенский язык отделить от Российскаго, то из чего же сей последний состоять будет? Разве из одних Татарских слов, как-то: *лошадь, кушак, колтак, сарай*, и проч.; да из плошадных и низких, как-то: *калякать, чечениться, хохлиться* и тому подобных; да из чужестранных, как-то: *гармония, элоквенция, сериозно, авантажно* и проч.» [Шишков 1824: 359].

устремилась в лоно русской речи, сообщив ей самоуверенную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью» [Мандельштам II: 242]. Любопытно, что осенью 1917 года, то есть, почти что одновременно со статьей Вяч. Иванова, тульский археолог и краевед Н. И. Троицкий подготовил пространную статью «Славянский язык как национально-священный» [Документы Собора XV, в печати: 877–890]. В этой статье, направленной против перевода богослужения на русский язык, он в деталях воспроизводит аргументацию А. С. Шишкова о значении церковнославянского языка для русской культуры. То есть обращение деятелей Серебряного века к трудам архаистов было веянием времени.

Таким отношением к национальному языку как к неразрывному единству русского и церковнославянского начала и объясняются особенности языка «Повести о Светомире царевиче». По языку «Повесть» совершенно не похожа на все написанное во второй половине XIX — XX вв., причем отличия касаются не только тех частей, которые написаны на церковнославянском. Основной текст книги написан на архаичном варианте языка, который никак нельзя назвать русским литературным языком XX века. Он соотносится скорее с языком второй половины XVIII века, с литературой допушкинской поры, а ряд черт явным образом объединяет его с лубочной повестью и фольклорными текстами. Так, например, в «русской» части «Повести» широко используется конструкция с *и*-начинательным, где союз *и* является текстообразующим элементом и не связывает между собой однородные члены и части сложного предложения. Концентрация таких конструкций очень высока. Например, из 16-ти стихов, входящих в 5-ю главку первой книги, четыре начинаются с союза *и*:⁴

И до тринадцатого года иным часом некое надмение без бахвальства являл и скорым, хоть и отходчивым, распаялся гневом (I.V.3);

И сказал Лазарь: «Не подобно мне, царю, с тобою битися, ино тебя, крамольника, смертию казнить. Вяжи-ка его, дружина хоробрая!» (I.V.7);

И, сколь ни дуж был детинка, скрутили его лихие товарищи по рукам и по ногам и, под деревом оставивши одного, по лесу

⁴ Здесь и далее «Повесть о Светомире царевиче» цитируется по [Иванов 2015].

рассыпались и над воплем его и ругательством издалече потешались (I.V.8);

И велел Лазарь о приключившемся ничего дома не сказывать (I.V.14).

Подобные конструкции были широко распространены в лубочных повестях, и ранее мы рассматривали их как одну из особенностей, отличающих язык народной литературы от русского литературного [Плетнева 2006: 474; Плетнева, в печати].

Другой особенностью, объединяющей «Повесть» как с народной письменностью XVIII века, так и с языком фольклора, является порядок слов. Здесь довольно часто встречаются случаи постановки глагола-сказуемого перед существительным-подлежащим (порядок VS):

внезапно заглушил его клики вой волчий, и оробели ребята, и ужаснулись. <...> оскалилась на отрока волчица лютая (I.V.9-10);

Бросился Лазарь узлы на связне рубить (I.V.11);

Осерчал на родича Давыд Лазаревич (I.VI.14).

Приемом, отсылающим к допушкинской литературе, является и постановка определения после существительного (порядок SA):

И хвалили Бога родители обрадованные (I.IV.9);

Коли бы сны женские да сбывались, давно бы тебе было в могиле тлеть (I.VI.8).

Такой порядок слов характерен в первую очередь для народной поэзии — былин, песен и т. д., однако он встречается и в лубочных повестях XVIII века.

Еще одной особенностью «Повести» является употребление подчинительных союзов. Они употребляются значительно реже и репертуар их беднее, чем в текстах, написанных на стандартном русском литературном языке. Эта особенность также объединяет «Повесть» с развлекательной литературой допушкинской XVII–XVIII вв. Также обращает на себя внимание обилие архаичной и просторечной лексики: *допрежь* (I.I.8), *допреть* (I.II.10), *послух* (I.II.11), *древлее бесование* (I.II.11), *промеж, край* (I.VI.7), *баяти* (I.VI.12), *обыкнути* (I.VII.10) и т. п. Использованием подобных слов Иванов демонстрирует, что он обращается к иной, архаичной литературной традиции, отличной от современности.

Что касается части, написанной на церковнославянском языке, то на первый взгляд, создается впечатление, что церковнославянские части «Повести» написаны на гибридном языке, включающем большое число русизмов. Однако обращает на себя внимание безупречная грамматика этих частей, что совершенно не характерно для гибридных текстов. При широком использовании лексики, отсутствующей в церковнославянских текстах, с точки зрения грамматики эти части «Повести» практически не содержат ошибок. «Повесть» не знает тех грамматических ошибок и синтаксических несостыковок, которые характерны для языка народной письменности.

II

Работа Вяч. Иванова над «Повестью» шла параллельно с преподаванием старославянского и церковнославянского языков в Папском Восточном институте и в Руссикуме, а также с переводами с латыни на церковнославянский. На наш взгляд, работу над «Повестью» нельзя рассматривать отдельно от этой, казалось бы, рутинной деятельности. Хотя, конечно же, мы ни в коей мере не считаем, что писание художественного текста на церковнославянском языке имело характер литературного упражнения. Наиболее обстоятельно «внешняя» сторона работы Иванова с церковнославянским языком рассмотрена в статьях Винченцо Поджи [Поджи 2008] и А. Коваля [Коваль 2008]. В. Поджи приводит свидетельство о том, что Вяч. Иванов строго различал старославянский и церковнославянский языки, настаивая на том, что преподавать надо и тот, и другой. Курс церковнославянского языка Иванов начал читать в Руссикуме в феврале 1936 года [Поджи 2008: 646]. В письме к С. Л. Франку от 18 мая 1947 года Иванов писал, что время от времени ему приходится «переводить на церковнославянский язык какой-нибудь латинский текст» [Там же: 651]. Речь здесь идет о славянских переводах латинских молитв. Дело в том, что в 1935 г. в рамках Комиссии Pro Russia в Конгрегации Восточных Церквей была создана секция по подготовке богослужебных книг византийско-славянского обряда [Там же: 654]. В связи с деятельностью этой комиссии Иванов работал над экзегетическими комментариями к русскому тексту Нового Завета [Архипов 2002].

Более важным для нашей темы является участие Иванова в переводе на церковнославянский язык формул обетов при вступлении в Орден иезуитов. Так, в 1938 г. к нему обращаются с вопросом о том, как лучше перевести выражение «Societas Jesu» — с использо-

ванием церковнославянизмов *дружество Иисуса*, *дружина Иисуса*, *Чин имени Иисуса* или выражением *Орден Иисуса* [Поджи 2008: 670]. Судя по имеющимся в нашем распоряжении копиям этого перевода, в окончательном варианте была принята формула *содружество Иисусово*. В начале 1936 года Иванов переводит на церковнославянский язык Молитву посвящения себя Св. Сердцу Иисусову, одобренную папой Львом XIII в 1899 году. Текст перевода опубликован Винченцо Поджи [Там же: 674]. В 1939 году Иванов переводит на церковнославянский язык литанию святым, которая читается в иезуитских общинах [Там же: 678–679]. Тогда же он переводит молитву св. Игнатию Лойоле, основателю Общества Иисуса, а также св. Терезе имени Младенца Иисуса [Там же: 679–680], которой, как известно, принадлежат пророчества о России и которая была объявлена патронессой Руссикума. К октябрю 1945 года Иванов перевел на церковнославянский молитвы на благословение электромотора и печатни [Там же: 586–587]. Чтобы составить представление о церковнославянских переводах Иванова, приведем текст «Молитвы, глаголемой при благословении печатни». Текст печатается по ксерокопии, сделанной с рукописи, хранящейся в римском архиве Вяч. Иванова. Ксерокопия была передана нам в 1994 г. Д. И. Ивановым.

Моли́тва

глаго́лемѧ при благо́словѣнїи печѧтнн

Гдѣи ѿже на́шиз, ѣгѡже четвѣрозна́чно ѣма, свѣтѡе
и стѣра́шное, ѧнгѣломъ оу́жасно и чѣловѣкъомъ нензрѣкѡмо, на́мъ
же Начѧло и Конѣцъ, Ѧлфа и Ѧмеѧ, Ты рекѧи: иѡта ѣдина илѧ
ѣдина чертѧ не прѣидѣтъ ѡ́ закона, дѡндеже вѣдѣдѣтъ: ѧже подѧлѧ
людемъ оу́сердїе и разѡумѣнїе ко ѣже сотвори́ти за́повѣди Твоѧ,
оу́прави́ содѣемое рѣкѧми на́шимн, ннспѡли на нѧз и на мѧхнны
ѣѧ тншенїѧ кни́жнагѡ благо́словѣнїе Твоѡ, и ѧкоже рѣвѣ Твоѡмѡ
Мшѡсѡе брѣчилъ ѣси бѡгочертѧнныѧ пнсьменѧ ко спѧсѣнїе рѡдѧ
ѣврейникаѡ, тѧкожде и ны́не Чѣловѣколю́бче Влады́ко, блѧгонзѡбли
ѣзѣкы ѣѧ, напечатѣнныѧ во ѧма Твоѡ свѣтѡе, показѧти ѡ́рѡдїе
спѧсѣнїѧ рѣвѡмъ Твоимъ. Ты ремѣлѡ семѡ прилежа́щымъ печѧтннкн
ко стѣра́ствѣ Твоѡмъ соблюди́ и неповреждѣны ѧ ѡ́ прѡтнвныѡхъ
сохрани́, да причѧтннкы бѣдѣтъ нескончѧемыхъ Твоиѡхъ блѧгъ, ѧже
оу́готовѡвалъ ѣси творѧщымъ волю Твоѡ. И благо́словнвъ ѧ, оумно́жи
нзѣѣлѧ рѣкы ѧхъ, да вѣгда блѧгодарѧще слѧвѡтъъ вѣвѣстнѡе
и вѣсѣвѡтѡе ѧма Твоѡ, ѡ́ца и Сѧна и Сѣгѧгѡ Дѧха, и прѡчѧма.

Этот текст написан на правильном церковнославянском языке. При этом сравнение лексики, которая использована в этой молитве, с лексикой, представленной в церковнославянском подкорпусе Национального корпуса русского языка показывает, что Иванов употребляет ряд слов и форм, которые не встречаются в стандартных богослужебных книгах. К таким словам относятся *печѣтнѣ*, *печѣтникъ*, *четверозначный*, *мѣхна*, *ремелѣ*. Причастия *нензрѣкомый* и *напечатлѣнный* также не зафиксированы в корпусе. Таким образом, мы видим определенное сходство между переведенными Ивановым молитвами и церковнославянскими фрагментами «Повести». В обоих случаях можно отметить грамматически правильный церковнославянский язык при достаточно свободном заимствовании лексики и собственном словотворчестве.

Мы не будем здесь касаться работы Вяч. Иванова над комментариями к русскому тексту Деяний и Посланий апостолов и Апокалипсиса, которые были изданы в 1946 году. Здесь Иванов работал исключительно с русским текстом Писания. Приведем лишь одно наблюдение А. А. Архипова, который обратил внимание на приверженность комментатора высокому стилю, на обилие «славянизмов, архаизмов, грецизмов — словом, элементов, создающих эффект присутствия эллино-славянской, и в определенном смысле, пагано-христианской, словесной культуры» [Архипов 2002: 86]. Эту особенность Архипов называет «одной из самых очевидных черт стиля Иванова», которые нивелируются в более поздних ватиканских изданиях комментариев к Священному писанию.

В 1948 году началась работа Иванова над подготовкой параллельной славяно-русской Псалтири [Коваль 2008: 707]. Для нашей темы эта работа представляет значительный интерес. Дело в том, что в предреволюционные десятилетия в России выходило довольно много параллельных славяно-русских изданий текстов, используемых во время богослужения. [Балашов 2001: 171–181]. На первый взгляд может показаться, что параллельное славяно-русское издание Псалтири можно рассматривать в ряду этих проектов. Но здесь имеется одна серьезная проблема. Дело в том, что в качестве русского текста в этом издании используется традиционный Синодальный перевод, сделанный с еврейского языка, а не с греческого. Поэтому русский и славянский тексты Псалтири далеко не всегда соответствуют друг другу. Нам неизвестно, кому принадлежала концепция этого издания. Но, вне всякого сомнения, подготовка и комментирование параллельного славяно-русского текста Псалтири было вполне в духе размышле-

ний Вяч. Иванова о единой природе русского и церковнославянского языка. Нужно сказать, что это издание очень сильно отличается от параллельных церковнославянско-русских изданий, вышедших в предреволюционной России. Обычно параллельные издания не содержат информации об источниках, откуда заимствованы тексты, и о переводчиках, кроме тех случаев, когда переводчик является автором всей книги. Здесь же, в составленном Ивановым предисловии, содержится особая глава, содержащая источниковедческие сведения. В качестве источника славянского текста указана «богослужебная», то есть Следованная псалтирь, изданная Московской синодальной типографией в 1906 г. При этом Иванов сохраняет слова и комментарии, которые в оригинале читались «на брезе». Другой слой примечаний к славянскому тексту составлен на основе двухтомника архиепископа Ириней (Клементьевского)⁵. В качестве источника русского текста было взято издание Нового Завета и Псалтири, напечатанное в Петроградской синодальной типографии в 1917 году. Приводя стандартный русский текст синодального перевода, Вяч. Иванов считает необходимым указать имя переводчика: «Перевод этого текста сделан проф. Д. А. Хвольсоном с еврейского первоисточника» [Псалтирь 1950: XVI]. И действительно, Псалтирь, как и ряд других книг Ветхого Завета, вошедших в русскую синодальную Библию, был выполнен Д. А. Хвольсоном (1819–1911), однако в изданиях русской Библии имена переводчиков и редакторов никогда не упоминаются. В примечаниях к русскому тексту «приводятся те разночтения, где римское издание Псалтири 1945 г. отличается от синодального, и где в римском издании еврейский первоисточник иначе был понят чем в синодальном». Кроме комментариев Иванов составил к этому изданию предисловие⁶, которое включает следующие разделы: 1. Содержание Псалтири; 2. Склад и строй псалмов; 3. Кем сложены псалмы; 4. Письменное предание; 5. Церковнославянская Псалтирь; 6. Духов-

⁵ Обращение к этой книге, первое издание которой увидело свет еще до того, как появился первый перевод Псалтири на русский язык, очень показательно. И хотя Иванов специально указывает, что он пользовался 9-м изданием, которое вышло в 1903 году, в середине XX века труд Ириней, конечно же, не был последним словом библейской науки. Объем влияния книги Ириней на комментарии Иванова еще ждет исследования. Скорее всего, эта книга была использована в качестве источника проверенной временем русской версии толкований Псалтири.

⁶ Факсимильное воспроизведение первой страницы автографа этого предисловия см. [Архипов 2002: 90].

ное действие Псалтири; 7. Объяснение к тексту; 8. Список сокращений в книге встречающихся. В этом предисловии в популярной форме рассказывается об истории и структуре Псалтири, о ее переводе Кириллом и Мефодием, о значении Псалтири для русской культуры как книги, которая не только используется за богослужением, но по которой учатся грамоте.

Двуязычная Псалтирь была издана в 1950 году, то есть уже после смерти поэта. На наш взгляд, работу над двуязычной Псалтирью, переводом латинских молитв на церковнославянский и «Повестью о Светомире царевиче» следует рассматривать в контексте той языковой программы, которая была сформулирована еще в 1918 году в статье «Наш язык». Языковое творчество в духе «архаистов» предполагало как освоение народной письменности, так и обращение к языку церковной книжности. В то время, как поэт Вяч. Иванов работал над «Повестью о Светомире царевиче», профессор Руссикума Вяч. Иванов в рамках своих служебных обязанностей редактировал церковнославянские тексты. Редкий случай, когда писатель сочетает размышления «о пользе книг церковных» с кропотливой работой над текстом этих книг.

Литература

- Архипов 2002 — А. А. *Архипов*. Вячеслав Иванов комментатор Нового Завета. Предварительные соображения // *Europa Orientalis*. Т. 21. № 1. 2002. С. 39–94.
- Балашов 2001 — Н. В. *Балашов*. На пути к литургическому возрождению. М., 2001.
- Документы Собора XV, в печати — Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 15 / Составление, подготовка текста, предисловие и примечания А. Г. Кравецкого, отв. ред. А. Г. Кравецкий, прот. Николай Балашов. М. (в печати).
- Иванов I–IV — В. И. *Иванов*. Собрание сочинений. Т. 1–4. Брюссель, 1971–1979.
- Иванов 1991 — Вяч. *Иванов*. Наш язык // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 354–361.
- Иванов 2015 — В. И. *Иванов*. Повесть о Светомире царевиче / Издание подготовили А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М., 2015.
- Коваль 2008 — А. *Коваль*. Вячеслав Иванов и Общество Иисуса // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. № 53–54. 2008. С. 703–733.

- Ломоносов 1952 — *М. В. Ломоносов*. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. М.; Л., 1952.
- Мандельштам П — *О. Э. Мандельштам*. Собрание сочинений в четырех томах / Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Том 2. М., 1991 [Репринтное воспроизведение издания Вашингтон, 1971].
- Плетнева 2006 — *А. А. Плетнева*. О языке «маскультуры» пушкинской поры // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 470–486.
- Плетнева, в печати — *А. А. Плетнева*. Записи былин в составе рукописных сборников XVIII в.: языковые критерии жанра // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2 (в печати).
- Поджи 2008 — *В. Поджи*. Иванов в Риме // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. № 53–54. 2008. С. 643–702.
- Псалтирь 1950 — Псалтирь на славянском и русском языках. Рим, 1950.
- Топорков 2012 — *А. Л. Топорков*. Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М., 2012.
- Фетисенко 2008 — *О. Л. Фетисенко*. Краткие замечания к публикации «Послания Иоанна Пресвитера». Вячеслав Иванов. Книга V. Послание Иоанна Пресвитера // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. № 53–54. 2008. С. 281–308.
- Шишков 1824 — *А. С. Шишков*. Примечания на письмо деревенского жителя // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Ч. 2. СПб., 1824.